

ГЕОГРАФИЯ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЕ

УДК 913:902/904

А. Г. Манаков, К. А. Лебедева

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ РЕК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Выявлены основные географические закономерности локализации на территории Псковской области рек, названия которых имеют неславянские версии происхождения, в первую очередь, финно-угорские и балтийские. Данные закономерности укладываются в целом в географическую зональность, характеризующуюся некоторым преобладанием финно-угорской гидронимии на крайнем севере Псковской области и господством балтийской гидронимии на юге области, а также переходным поясом с небольшим перевесом балтийской гидронимии в средней части региона.

Ключевые слова: *топонимика, неславянская гидронимия, потамонимы, гидронимические районы, картографический анализ.*

Введение. В топонимических исследованиях, проводимых на Северо-Западе России, традиционно большое внимание отводится анализу географических названий иноязычного происхождения. На основе изучения иноязычных топонимов делаются выводы о языке ранее проживавших здесь народов, определяются ареалы иноязычной топонимии, предлагаются гипотезы лингвистического и этноисторического порядка [1]. При этом в данных исследованиях чаще всего делается упор на изучение гидронимии региона, т. е. названий водных объектов, в числе которых выделяют названия рек (потамонимы), озёр (лимнонимы), болот (гелонимы) и др. Обычно гидронимы, и особенно потамонимы, имеют наиболее раннее происхождение по сравнению с другими классами топонимов, и потому их исследование позволяет решать междисциплинарные задачи, возникающие на стыке археологии, этнологии и лингвистики. Среди этих задач наиболее значимое место занимает этническая интерпретация археологических культур, в особенности относящихся к дославянскому и раннеславянскому периодам истории региона.

Целью исследования является выявление закономерностей локализации рек (в пределах Псковской области), названия которых обладают неславянскими (древнеевропейскими, балтийскими и финно-угорскими) версиями происхождения.

Источниковой базой исследования являются результаты изучения гидронимии Северо-Запада России и соседних территорий, представленные в трудах таких исследователей, как Р. А. Агеева [1; 2], С. Е. Мельников [12], Э. М. Мурзаев [13; 14], А. И. Попов [16], В. Н. Топоров и О. Н. Трубочёв [22; 23], К. Буга [26], А. Ванагас [30–32] и др. Также в статье использованы этимологические и топонимические словари, в частности, составленные Е. М. Поспеловым [17] и М. Фасмером [24]. Среди недавно опубликованных работ такого типа нужно особо отметить «Словарь возрождённого прусского языка...» [29]. Ранее нами уже были предприняты попытки исследования неславянской гидронимии разных частей Псковской области, например, её северо-западных [9], северных [11] и южных [10]

административных районов. Итоги этих гидронимических исследований также были подключены к проведённому в данной статье картографическому анализу потамонимии региона.

Методика исследования. Всего в пределах Псковской области насчитывают около 15 тыс. водотоков, из них 97 % имеет длину менее 10 км, которые можно рассматривать как малые водотоки (ручьи и малые реки). К средним и крупным рекам можно отнести не более 450 [18]. Именно названия средних и крупных рек рассмотрены в данной статье. Среди последних было выявлено 114 потамонимов, которые имеют неславянские версии происхождения. Соответственно, данные потамонимы составляют около четверти всех названий средних и крупных рек Псковской области. Остальные три четверти названий средних и крупных рек области признаны славянскими. При этом какая-то часть изученных названий рек также может иметь славянское происхождение, а в наш анализ они включены только из-за того, что они имеют хотя бы одну неславянскую версию происхождения.

Неславянские версии происхождения потамонимов были разделены на три основные группы, соответствующие гидронимическим основам: 1) финно-угорским; 2) балтийским (латышским, литовским и исчезнувшим балтийским языкам, например, прусским); 3) индоевропейским (древнеевропейским и имеющим аналоги в других языковых группах индоевропейской семьи, кроме летто-литовской и славянской).

Если у потамонима было выявлено несколько версий происхождения, вёлся учёт всех версий вне зависимости от их приоритета в топонимической науке на данный момент времени. При этом потамонимы, которые имеют спорное происхождение, были включены в дополнительные группы: 1) финно-угорские и балтийские; 2) балтийские и славянские; 3) древнеевропейские и славянские; 4) славянские и финно-угорские.

С целью проведения картографического анализа распространения потамонимов, имеющих неславянские версии происхождения, в пределах Псковской области было проведено гидронимическое районирование. Главными маркерами гидронимических районов стали водоразделы между бассейнами наиболее крупных рек области. В Псковской области было выделено пять гидронимических районов: 1) северный (Плюско-Чудской); 2) северо-восточный (Шелонско-Полистовский); 3) Нижневеликоречский; 4) Средневеликоречский (включая бассейн р. Сороти); 5) юго-восточный (Ловатско-Двинский).

Результаты исследования. До появления славян в Озёрном крае (предположительно около середины I тысячелетия н. э.), согласно данным археологии, почти вся современная территория Псковской области входила в ареал культуры сетчатой керамики Ильменского бассейна, носителем которой считается финно-угорское население. Лишь крайний юг региона входил в ареал днепро-двинской археологической культуры, носителями которой являлись балтские племена [21, с. 350].

Тем не менее, на большей части территории Псковской области ныне обнаружена балтийская гидронимия. Причём, согласно исследованиям, проведённым Р. А. Агеевой на Северо-Западе России, балтийские субстратные названия здесь не уступают финно-угорским и составляют не менее 5 % от общего количества названий водных объектов [1, с. 186, 211]. При этом балтийская гидронимия на террито-

рии Псковской области представлена почти везде, кроме её крайнего севера, а также земель, прилегающих к Псковско-Чудскому водоёму.

Р. А. Агеева предложила не менее трёх версий, которые могли бы объяснить значительный пласт балтийской гидронимии на Северо-Западе России. Во-первых, балтийские гидронимы могут быть рассмотрены как субстратные по отношению к финно-угорским. В этом случае балтийская гидронимия могла быть заимствованной финно-угорским населением задолго до прихода в Озёрный край славян, которые могли перенять её вместе с финно-угорской субстратной гидронимией, т. е. она по сути является субсубстратной [1, с. 154].

Во-вторых, выявленные «балтийские» гидронимы могут быть отнесены хронологически к древнеевропейскому пласту, который в дальнейшем принял балтийские черты [1, с. 201]. Древнеевропейский гидронимический пласт в действительности был выявлен на Северо-Западе России, но он не является таким же многочисленным, как обнаруженная здесь же балтийская гидронимия. К тому же в последней очень часто находятся прямые параллели с современными языками леттолитовской группы (латышским и литовским).

В-третьих, возможным является заимствование балтийской гидронимии славянами ещё до их прихода в Озёрный край, а затем распространение этих гидронимов по мере освоения ими этих территорий [1, с. 199]. Но имеются и аргументы против данной версии, например, отсутствие или немногочисленность следов балтийского субстрата в северо-западных русских говорах [1, с. 153].

В качестве четвёртой можно рассматривать версию В. В. Седова, считавшего, что славяне при своём движении в Озёрный край из Повисленья могли подхватить небольшие группы западных балтов. В первую очередь это касается судавско-являжских племён [20, с. 216]. Именно эти племена могли оставить на современной территории Северо-Запада России гидронимию западно-балтского происхождения. Нужно также отметить, что балтийская гидронимия здесь имеет к тому же явные прусские аналогии. При этом, большая разбросанность по всей территории Псковской области и относительная многочисленность таких гидронимов заставляет задуматься о том, были ли эти племена западных балтов такими уж малочисленными.

Последнее замечание позволяет сформулировать принципиальный вопрос, который может быть рассмотрен в качестве пятой версии. А именно, были ли носители культуры длинных курганов, которые, согласно гипотезе В. В. Седова [21], пришли в Озёрный край в середине I тысячелетия н. э. из Повисленья, собственно славянами или же какой-то переходной балто-славянской группировкой (т. е. образовавшейся ещё до разделения балто-славянской общности, существование которой признаётся многими учёными)?

Р. А. Агеева считает, что несовпадение гидрологических ареалов и территорий распространения определённых археологических культур на Северо-Западе России ведёт к дилемме, которая может быть разрешена двумя путями. Во-первых, это пересмотр этнической принадлежности некоторых дославянских археологических культур региона в пользу их возможного балтского происхождения. Во-вторых, это формирование нового взгляда на происхождение псковских кривичей и новгородских словен в рамках проблематики балто-славянского этно- и глоттогенеза [1, с. 127].

Как отмечалось выше, на территории Псковской области нами были рассмотрены неславянские версии происхождения 114 потамонимов, из них 30 отнесены к

финно-угорским, 28 — к балтийским, 19 — к общеиндоевропейским (включая древнеевропейские). Спорное происхождение имеет 37 названий рек, в т. ч. 17 — финно-угорское или балтийское происхождение, 12 — балтийское или славянское, 5 — древнеевропейское или славянское, 3 — финно-угорское или славянское (рис. 1). В суммарном количестве неславянских версий происхождения названий рек Псковской области лидируют балтийские (57), им немного уступают финно-угорские (50) и более значительно — общеиндоевропейские версии (24).

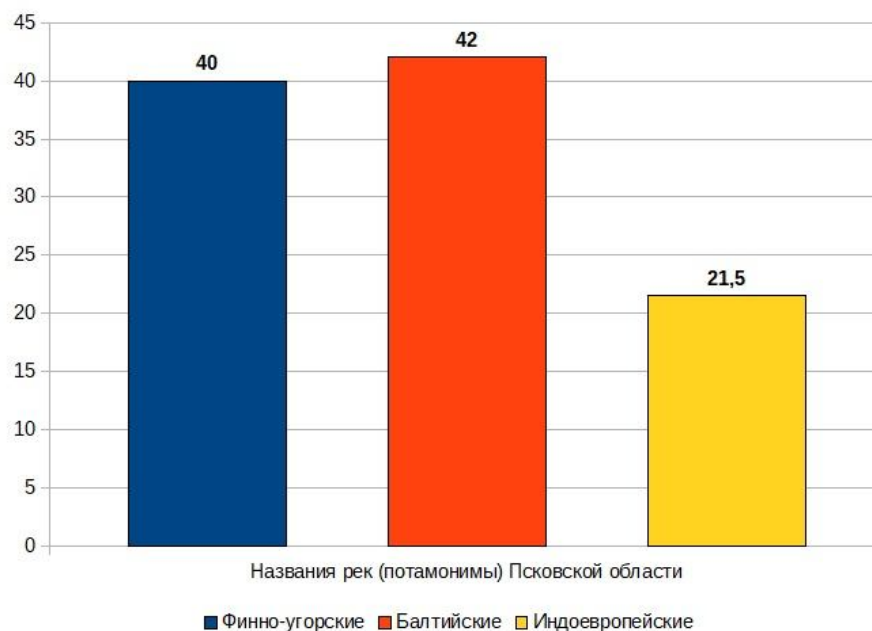

Рис. 1. Распределение потамонимов Псковской области по трём группам неславянских (финно-угорских, балтийских и индоевропейских) версий происхождения (в случае наличия двух разноязычных версий за каждую задаётся половина единицы)

Рис. 2. Локализация рассмотренных в исследовании потамонимов и их распределение по версиям происхождения

Цифрами обозначены гидронимические районы Псковской области: 1 — северный (Плюско-Чудской); 2 — северо-восточный (Шелонско-Полистовский); 3 — Нижневеликоречский; 4 — Средневеликоречский; 5 — юго-восточный (Ловатско-Двинский)

1. Северный (Плюско-Чудской) район

В пределах северного (Плюско-Чудского) гидронимического района было выявлено 26 потамонимов, которые имеют неславянские версии происхождения. Из последних 14 потамонимов можно отнести к финно-угорским и 3 — к общеиндоевропейским. Ещё 9 потамонимов имеет спорное происхождение: 6 — славянское или балтийское, 3 — финно-угорское или балтийское. В целом же в пределах данного гидронимического района лидируют с существенным отрывом финно-угорские версии происхождения названий рек (17), им заметно уступают балтийские (9) и общеиндоевропейские (3) версии.

Потамонимы финно-угорского происхождения

Вейнка (Гдовский район) — фин. *veino* («широкое устье»).

Ельминка (Гдовский район) — эстон. *liemene* («верхний»), фин. *liemene* («верхний»).

Куна (Гдовский район) — эстон. *küna* («корыто»).

Курейка (Стругокрасненский и Плюский районы) — эстон. *kuigu* («ущелье, узкий проход»), фин. *kuiga* («грязь, слякоть»).

Курья (Стругокрасненский и Плюский районы) — см. *Курейка*.

Лонка (Плюский район) — эстон. *lonks* («глоток»), фин. *lonka* («грозовая туча»).

Лочкина (Псковский район) — карел. *лаччу* («низкий; мелкий»).

Лубеть (Плюский район) — эстон. *lubī* («известь»).

Луковка (Плюский район) — фин. *loka* («ил, грязь»).

Нимолва (Псковский район) — эстон. *neem, niemi* («мыс, полуостров, коса»).

Похонька (Плюский район) — фин. *rohja* («дно, днище»).

Ремда (Гдовский район) — фин. «ряма», карел. «риеме» («лес на болоте») [12, с. 153].

Самолва (Гдовский район) — эстон. «саммал» («мох») [12, с. 160].

Тороховка (Гдовский район) — эстон. *tooges* («сырой»).

Потамонимы финно-угорского или балтийского происхождения

Гдовка (Гдовский район) — фин. *outowa* («текущая в лесах»); прус. *gudde* («кустарник, лес», возможно, «болото») [22, с. 45]; праславян. *gъd* («болото, сырое место»).

Толба (Псковский район) — фин. *talvi* («зима»), *tulva* («разлив, наводнение») [1, с. 225–226]; балт. основа *tal-/tol-* («дальняя»); индоевроп. *talawa* или *talape* с основой *-ar-* или *-awa* («вода, река») [6, с. 92].

Вёрдуга (Плюский район) — основа *verd-* отмечена в балтийских языках и означает «родник, ключ», «водоворот», «топкое место», «бездна», но возможно и прибалтийско-финское происхождение гидронима [1, с. 95–96].

Потамонимы балтийского (или славянского) происхождения

Губинка (Стругокрасненский район) — латыш. *gub* («куча, копна»).

Дубенка (Гдовский район) — балт. основа *dub-* (литов. *dube, dubus* — «яма, впадина; глубокий»), славян. «река, берущая начало или протекающая по дубовому лесу» [1, с. 189].

Меленка (Стругокрасненский район) — балт. *mailius* («рыбная молодь, мальки») [32, с. 201].

Песнеца (Плюский район) — латыш. *piēs* («пять»).

Плотиченка (Стругокрасненский район) — латыш. *plat* («широкий»).

Рудня (Плюсский район) — латыш. gud («фруда»); древнерус. «рудый» («красный, красноватый») [12, с. 156–157].

Потамонимы индоевропейского происхождения

Абижа (Псковский район) — древнеиндоевроп. основа об- (ab-) («вода»), балт. концовка — латыш. eza, лит. eže («межа, гряда») [9].

Мараморочка (Стругокрасненский район) — прус. maḡi («залив»), латыш. mare («болото») от индоевроп. *mog- («стоячая вода») [32, с. 204].

Яня (Гдовский и Плюсский районы) — имеет индоевроп. параллели [1].

2. Северо-восточный (Шелонско-Полистовский) район

В пределах северо-восточного (Шелонско-Полистовского) гидронимического района было выявлено 13 потамонимов, причём все имеют спорное происхождение: 6 — балтийское или славянское, 5 — общеиндоевропейское (в т. ч. древнеиндоевропейское) или славянское, 1 — финно-угорское или балтийское, 1 — финно-угорское или славянское. Таким образом, в данном гидронимическом районе господствуют балтийские (7) и общеиндоевропейские (5) версии происхождения названий рек, и крайне слабо представлены финно-угорские версии (2).

Потамонимы балтийского (или славянского) происхождения

Дубенка (Дедовичский район) — балт. основа dub- (литов. dube, dubus — «яма, впадина; глубокий») [1, с. 189]; славян. основа «дуб» («река, берущая начало или протекающая по дубовому лесу»).

Дубенка (Дновский район) — см. Дубенка (Дедовичский район).

Дубиченок (Дедовичский район) — см. Дубенка (Дедовичский район).

Дубровня (Бежаницкий район) — см. Дубенка (Дедовичский район).

Липенка (Дедовичский район) — латыш. lier («липа»); славян. «липа».

Локонка (Дедовичский район) — балт. lukna («болотистое место») [23, с. 193], лит. liknė («жёлтая кувшинка»), аналоги — лит. Lukne, латыш. Lukna; старославян. «локы» («дождь»); белорус. «лакно» («место в речной старице, которое заросло травой», «глубокое место посреди болота») [1, с. 160]; сербскохорват. «локва» («лужа, болото»).

Потамонимы индоевропейского (или славянского) происхождения

Опочинка (Дновский район) — древнеиндоевроп. основа об- (ab-) («вода»), например, летто-литов. -ure («источник, река»).

Полисть (Бежаницкий район) — древнеиндоевроп. основа *pal- («болото, топь, трясына») [1, с. 90; 17, с. 334; 27, с. 49], латыш. palī («половодье, паводок»), литов. pala, palios («болото, заболачивающееся озеро»); латин. palus («застойная вода, болото») [1, с. 90], имеет видимые параллели в балтийской языковой области (сравн. Palopa) [27, с. 49]; сравн. рус. «полый, половодье» [24, т. 3, с. 306, 310].

Полонка (Дновский район) — см. Полисть.

Порусья (Бежаницкий район) — основа «рус» имеет индоевроп., возможно, балт. происхождение [1, с. 205].

Удоха (Порховский район) — имеет индоевроп. происхождение [1, с. 203; 27; 28].

Потамонимы финно-угорского или балтийского происхождения

Судома (Дедовичский район) — фин. «сюден» («сердцевина») и «ма» («земля»); сугское «сюдомаа» означает «родина» [12, с. 172]; эстон. susi, sude («волк») [26, т. 3, с. 617]; др.-прус. Sude, Sudowe [5, с. 210].

Потамонимы славянского или финно-угорского происхождения

Шелонь (Дедовичский, Порховский и Дновский районы) — славян. «Солона» (т. е. «солёная») с заменой «с» на «ш» [16, с. 34–35]; фин. salo, карел. šalo («лесной остров»), аналоги — Шола (бассейн Шексны), Шолоность (приток Ковжи) [2, с. 24].

3. Нижневеликорецкий район

Всего в пределах Нижневеликорецкого гидронимического района выявлено 29 потамонимов, которые имеют неславянские версии происхождения. Они распределены почти в равной степени между финно-угорскими (8), балтийскими (8) и общеиндоевропейскими (7). Ещё 6 потамонимов имеет спорное происхождение: 5 — финно-угорское или балтийское, 1 — финно-угорское или славянское. В целом же в данном гидронимическом районе можно видеть примерное равенство финно-угорских (14) и балтийских (13) версий происхождения названий рек, которым заметно уступают общеиндоевропейские версии (7).

Потамонимы финно-угорского происхождения

Варавина (Палкинский район) — фин. vaara («гора, сопка»).

Кулейская (Печорский район) — фин. диал. kulju («лужа»), kulis («камень, валун»), сравн. эст. Kuulja jagv [1, с. 219].

Мелетовка (Псковский район) — фин. melute («шуметь, галдеть»).

Рындица (Стругокрасненский район) — эстон. gānda («странствовать»), gand («берег»).

Пелега (Печорский район) — финно-угорского происхождения, однако не очень ясно соотношение вариантов Пелег(а) / Пелг(а) [1, с. 222–223].

Пижма (Печорский район) — эст. Piusa, фин. pimeä («тёмный»), или piima («молочная»), другой вариант — Пивжа [1, с. 223; 33, с. 2].

Торошинка (Псковский район) — эстон. tooges («сырой»).

Шурин (Псковский район) — эстон. «журчание».

Потамонимы славянского или финно-угорского происхождения

Великая (Палкинский район) — устарев. славян. «велий» («большой, великий») [1, с. 43]; фин. «вяляя» («просторный, свободный») [12, с. 23].

Потамонимы балтийского или финно-угорского происхождения

Вруда (Печорский район) — древнеиндоевроп. основа udog («вода») [1, с. 197]; фин. vir(rata) («течь, литься, струиться»), vir(ta) («река, течение, поток, проток, струя»).

Кебь (Стругокрасненский и Псковский районы) — латыш. dreb («дрожать, трястись»), литов. kibis («репейник») или kibti («цепляться, повиснуть, прилипнуть»); эстон. keeb («водянистый») [34, с. 367].

Кудеб (Печорский район) — литов. kud- («идти, бежать, двигаться») и -er (лит., латыш. ure и др.-прусс. are — «река»); фин. kuoto, kuodon («тина, грязь, вязкий ил») [1, с. 218].

Пскова (Стругокрасненский и Псковский районы) — эстон. Pihkva от pihk («липкая масса»), фин. pihka, ливск. piisk («смола») [16, с. 72]; балт. Pleskawa от индоевроп. pal/pol («болото»), awa («вода») и, возможно, балто-славянский суффикс -esk-, т. е. Paleskava — «болотная вода» [8, с. 194–195; 6, с. 92; 9, с. 159].

Псковица (Стругокрасненский и Псковский районы) — см. *Пскова*.

Потамонимы балтийского происхождения

Веда (Палкинский район) — балт. основа *ved-*, (*vind-*), лит. *venta* («сгибать, гнуть») [32, с. 372]; др.-славян. *vet-*, *vent-* («мокрый, влажный») [15, с. 79].

Дребёнка (Стругокрасненский район) — латыш. *dreb* («дрожать, трястись»).

Дубенка (Порховский район) — балт. основа *dub-* (литов. *dube*, *dubus* — «яма, впадина; глубокий») [1, с. 189]; славян. основа «дуб» (т. е. «река, берущая начало или протекающая по дубовому лесу»).

Лзна (Псковский район) — латыш. *lezens* («плоский, мелкий»); праславян. корень «лез-» («низкое место, заливаемое водой»).

Лидва (Печорский район) — лит. *lietī* («лить») и др.-индоевроп. *-awa* («вода»), сравн. лит. *Lyduva* [32, с. 188–189].

Липенка (Псковский район) — латыш. *līer* («липа»); славян «липа».

Наверека (Псковский район) — латыш. *nāv* («смерть»).

Педедзе (Печорский район) — латыш. *pedja* («крайний, последний»).

Потамонимы индоевропейского происхождения

Лобянка (Палкинский и Псковский районы) — лит. *lobas* («лог, котловина, долина, русло реки, лужа, болотце, низина»), схожие гидронимы встречаются в западнославянских и иллирийских землях, т. е., вероятно, имеют общеиндоевроп. происхождение [1, с. 191].

Мирошка (Псковский район) — индоевроп. *Margas* («блестящий, пёстрый») [23, с. 196]; аналог — словенский гидроним *Marozica* [25, т. 2, с. 12].

Обдех (Печорский район) — др.-индоевроп. *ob-* (*ab-*) («вода») и *tek-* («небольшая река, течение, русло реки»), аналоги — литов. *teke*, *takas* [9].

Опочна (Палкинский район) — др.-индоевроп. основа *ob-* (*ab-*) («вода»), например, лит., латыш. *-ure* («источник, река»); славян. «опока» (горная порода, также в прошлом на Псковщине называли известняк).

Полонка (Порховский и Псковский районы) — др.-индоевроп. основа **pal-* («болото, топь, трясина») [1, с. 90; 17, с. 334; 27, с. 49], латыш. *palī* («половодье, паводок»), лит. *pala*, *palios* («болото, заболачивающееся озеро»); латин. *palus* («застойная вода, болото») [1, с. 90], имеет видимые параллели в балтийской языковой области (сравн. *Ра-лопа*) [27, с. 49]; сравн. рус. «полюй, половодье» [24, т. 3, с. 306, 310].

Стремутка (Псковский район) — др.-индоевроп. *str-* («течь, стремиться») [17, с. 147], аналоги — балт. *strauya* («поток, течение»), латыш., лит. *strautas* («ручей, небольшая речка, луг с ручьём»); др.-европ. *met-* («середина»), аналоги имеются в иллирийском, албанском и греческом языках [1, с. 206].

Черёха (Порховский и Псковский районы) — др.-индоевроп. корень *kers-*, *kirs-*, аналоги — др.-прусс. *kirsnap* («чёрный»), лит. *kersas* («чёрно-белый, пятнистый, рябой»), например, реки *Kirkšnis*, *Kirkšnys*, *Kirkšnove*, *Kirkšn-o-upis* и др. в Латвии и Литве [14].

4. Средневеликоречский район

В пределах Средневеликоречского гидронимического района было выявлено 18 потамонимов, которые имеют неславянские версии происхождения. Из них 5 потамонимов можно отнести к балтийским и по 4 — к финно-угорским и общеиндоевропейским. Ещё 5 потамонимов имеет спорное происхождение: 4 — финно-угорское или балтийское, 1 — славянское или финно-угорское. В целом же в данном гидронимическом районе наблюдается равенство финно-угорских и балтий-

ских версий происхождения названий рек (по 9), им заметно уступают общеиндоевропейские версии (4).

Потамонимы балтийского происхождения

Аснянка (Пустошкинский район) — прус. *asis* («яшень») [29].

Веда (Островский и Пыталовский районы) — балт. основа *ved-*, (*vind-*) [33, с. 32]; лит. *venta* («сгибать, гнуть»); др.-славян. *vet-*, *vent-* («мокрый, влажный»).

Карузка (Новоржевский и Пушкиногорский районы) — латыш. «каруза» («карась»).

Оршанка (Новоржевский район) — лит. *gusėti* («медленно течь») [23].

Стебня (Островский район) — др.-прус. *stabis* («камень») [29], лит. *stabas*, латыш. *stabs* [1, с. 196], возможно праславян. *stob-* («болотные воды») [3, с. 100].

Потамонимы индоевропейского происхождения

Алоля (Бежаницкий, Опочецкий и Пустошкинский районы) — индоевроп. основа *-ol-* («питьё, вода» или «мокрое, заторфованное место»; *ole* можно встретить в балтийских языках, латыш. и лит. «алус» («пиво»); норвеж. диалектное слово *olle* («ключ, родник») [1; 12; 27; 28].

Олица (Бежаницкий и Новоржевский районы) — см. *Алоля*.

Петь (Пушкиногорский район) — родственно греч. «потамос» («река») [12, с. 134].

Севка (Дедовичский и Новоржевский районы) — индоевроп. основа **seu-* («сок, влага, струиться») [25, т. 2, с. 173].

Потамонимы финно-угорского происхождения

Веть (Себежский и Опочецкий районы) — эстон. *vetikas* («водоросль»).

Кира (Пыталовский район) — фин. *kireä* («суровый»).

Кухва (Пыталовский и Островский районы) — фин. *kotkajarvi > kuchu* [1, с. 114].

Лудонка (Пыталовский район) — эстон. *loodus* («природа»).

Потамонимы финно-угорского или балтийского происхождения

Исса (Себежский, Красногородский, Опочецкий и Пушкиногорский районы) — фин. *iso* («большой, великий»), отсюда *isoisa* («большой отец, дедушка») [16, с. 31]; балт. корень *is-*, например, латыш. *iss* («короткий»), *isinat* «укорачивать, сокращать») [8, с. 175].

Кудка (Опочецкий и Пушкиногорский районы) — лит. *kud-* («идти, бежать, двигаться»); эстон. «кудема» («нереститься») и «куде» («икра») [12, с. 95].

Сороть (Бежаницкий, Новоржевский и Пушкиногорский районы) — сравн. лит. озеро *Sartai* и река *Siesartis* [33, с. 31]; коми «сор» («ключ, источник, ручей», «рукав реки, пролив»), вепс. «сара» («разветвление») [12, с. 168].

Утроя (Пыталовский район) — диалект. эстон. *udras* («выдра») и фин., эстон. *oja* («ручей»), т. е. ручей выдры [12, с. 183]; др.-индоевроп. *udog* («вода»), сравн. балт. *udra* («выдра») [1, с. 193].

Потамонимы славянского или финно-угорского происхождения

Лука (Бежаницкий район) — славян. «лука, лучка» («изгиб, кривизна, излучина»); фин. *loka* («ил, грязь»).

5. Юго-восточный (Ловатско-Двинский) район

В пределах юго-восточного (Ловатско-Двинского) гидронимического района было выявлено 28 потамонимов, которые имеют неславянские версии происхождения. Из них 15 потамонимов можно отнести к балтийским, 5 — к общеиндоевропейским (в т. ч. древнеевропейским) и 4 — к финно-угорским. Ещё 4 потамонима

имеет спорное, финно-угорское или балтийское, происхождение. В целом же в данном гидронимическом районе явно доминируют балтийские версии происхождения названий рек (19), им заметно уступают финно-угорские (8) и общеиндоевропейские версии (5).

Потамонимы балтийского происхождения

Балаздынь (Великолукский и Невельский районы) — латыш. balanda («лебедя»).

Вятица (Великолукский район) — балт. ven- с расширителем -t- т. е. *ven(t) («сгибать, гнуть») [32, с. 372].

Выдега (Новосокольнический район) — концовки -uga.-ega можно встретить в балтийских языках.

Губенка (Великолукский район) — латыш. gub («куча, копна»).

Крупянка (Пустошкинский район) — латыш. krūpis («жаба»); др.-рус. «круп» («небольшой, мелкий»).

Лазавица (Великолукский район) — прус. и латыш. las («капля») [29].

Ленотица (Усвяцкий и Великолукский районы) — латыш. len («медленный»).

Линна (Новосокольнический район) — латыш. lin («лён») или прус. lins («линь») [29].

Ловать (Усвяцкий район, Великолукский, Локнянский районы) — лит. lovys («корыто»), lobas («русло, углубление») [22, с. 45], или «лог, котловина, впадина, долина, ущелье, лужа, болотце, низина, низинный луг».

Локня (Бежаницкий и Локнянский районы) — балт. lukna («болотистое место») [23, с. 193], лит. liknė («жёлтая кувшинка»), аналоги — лит. Lukne, латыш. Lukna; старославян. «локи» («дождь»); белорус. «лакно» («место в речной старице, которое заросло травой», «глубокое место посреди болота») [1, с. 160]; сербскохорват. «ловка» («лужа, болото»).

Лусня (Куньинский район) — прус. lūsis («рысь») [29].

Марята (Куньинский район) — прус. marī («залив»), латыш. mare («болото») от индоевроп. *mōg- («стоячая вода») [32, с. 204].

Раслица (Великолукский район) — прус. gasa («роса») [29].

Смердель (Локнянский и Новосокольнический районы) — латыш. smers («мазь») или прус. smirditwei («пахнуть») [29].

Тростянка (Великолукский район) — латыш. treš («третий»); славян. «треста» [1, с. 59].

Потамонимы индоевропейского происхождения

Западная Двина (Куньинский район) — славян. диалект. «двина» («много, большое количество чего-нибудь») [16, с. 29]; прус. dwinis («близнец») [29], лит. daug («много, множество»), например, балт. название р. Западной Двины — Даугава («много воды») [16, с. 29], т. е. возможно общеиндоевроп. происхождение.

Двинка (Куньинский район) — см. *Западная Двина*.

Идрица (Себежский район) — основа родственна греческому «идор» («вода») [12, с. 70].

Олешня (Великолукский район) — индоевроп. основа ol- («питьё, вода»); в Белоруссии и на севере России распространена основа «ольс», означающая «мокрое, торфяное место» [13]; отмечена в древнейших индоевроп. гидронимах в пределах Восточно-Европейской равнины (реки Ола, Ольса и др.), которые относятся ко II тысячелетию до н. э. [19, с. 24].

Удрай (Новосокольнический и Великолукский районы) — др.-индоевроп. основа udor («вода»), сравн. балт. udra («выдра») [1, с. 193].

Потамонимы балтийского или финно-угорского происхождения

Насва (Новосокольнический и Великолуцкий районы) — эстон. «насв» («мель») [12, с. 118; 16, с. 40], но есть лит. аналоги *Nasve, Nasvaitis* [30, с. 107].

Невель (Невельский район) — фин. *neva* («болото») [26, т. 3, с. 887], но в Литве присутствует аналогичная основа, например, в *Nevelis* [31, с. 121].

Свира (Невельский и Великолуцкий районы) — латыш. *svīre* («стриж»), *zvers* («дикий зверь»); фин. *syvegi* («углубление или глубокое место в воде, глубина») [1, с. 224]; слав. *-vīgь* («источник, омут»), сравн. рус. диал. «свирит» (пример: «из-под плиты так и свирит», т. е. образуется водоворот) [4, с. 119].

Сверетица (Новосокольнический и Великолуцкий районы) — см. *Свира*.

Потамонимы финно-угорского происхождения

Ева (Невельский район) — фин. *eva* («плавник»).

Вейна (Новосокольнический район) — фин. *veino* («широкое устье»).

Ращица (Новосокольнический район) — фин. *gauta* («железо»); славян. «рак».

Рытовица (Великолуцкий район) — фин. *gauta* («железо»).

Рис. 3. Распределение потамонимов пяти гидронимических районов Псковской области по трём группам неславянских (финно-угорских, балтийских и индоевропейских) версий происхождения (в случае наличия двух разноязычных версий за каждую задаётся половина единицы)

Выводы

1. Потамонимы, которые имеют аналоги в разных языковых группах индоевропейской семьи, а также рассмотренные нами как древнеевропейские, представлены во всех выделенных нами гидронимических районах Псковской области. При этом данный пласт названий рек не является доминирующим ни в одном из гидронимических районов и обычно уступает финно-угорскому и балтийскому пластам. Вероятно, носителями древнеевропейской гидронимии являлись племена, которых археологи относят к культуре боевых топоров и шнуровой керамики. Эта археологическая культура к рубежу III–II тысячелетия до н. э. была представлена на значительных пространствах Восточно-Европейской равнины. На севере её ареал достигал Ладожского и Онежского озёр, и включал даже южное побережье Финляндии. Данная археологическая культура рассматривается как протобалтская, т. е. заложившая основы балтской языковой и культурной общности [7].

2. Финно-угорские потамонимы представлены во всех гидронимических районах Псковской области, но толщина данного гидронимического пласта резко уменьшается при движении с севера на юг области. При этом лидирующую позицию финно-угорская потамонимия занимает только на крайнем севере и западе Псковской области (в частности, в приграничных с Эстонией и Латвией частях Нижневеликорецкого и Средневеликорецкого гидронимических районов). Минимальное присутствие финно-угорских названий рек отмечено на северо-востоке (в Шелонско-Полистовском гидронимическом районе) и на крайнем юге Псковской области.

Этот пласт названий рек, скорее всего, был оставлен в ходе колонизации Прибалтики племенами, являющимися носителями культур сетчатой или текстильной керамики. Эти племена начали своё передвижение с востока, из-за Уральских гор, предположительно на рубеже III–II тысячелетия до н. э. Возможно, что именно с этой миграцией связаны многочисленные аналогии местных названий рек с гидронимией Поволжья и Предуралья. В ходе своего движения на запад финно-угры смешивались с проживавшим здесь индоевропейским населением, чем могут быть объяснены многочисленные заимствования прибалтийско-финских народов из индоевропейских языков [7].

3. Собственно балтийские названия рек (или же балтийские версии названий) встречаются на всей территории Псковской области, при этом заметно уступают финно-угорской потамонимии только в северном (Плюско-Чудском) гидронимическом районе. В Нижневеликорецком и Средневеликорецком районах балтийские названия рек фактически не уступают по количеству финно-угорским потамонимам, а на юго-востоке области (в Ловатско-Двинском районе) являются доминирующими.

Предположительно, этот пласт потамонимов связан с миграцией в середине I тысячелетия н. э. на современную территорию Псковской области значительных групп балтов, проникших сюда вместе с носителями археологической культуры длинных курганов псковского типа. Носителей данной археологической культуры В. В. Седов рассматривал как славян [20; 21]. Особый интерес в этом плане представляет западнобалтская гидронимия (особенно, прусская), что не противоречит гипотезе В. В. Седова, согласно которой передвижение ранних славян на территорию современного Северо-Запада России происходило с земель Польского Помо-

рья. Этот же пласт потамонимии имеет многочисленные аналогии в землях, заселённых современными народами летто-литовской группы (литовцами и латышами).

В целом территория распространения балтийской потамонимии примерно соответствует ареалу археологической культуры длинных курганов псковского типа. Но имеется и исключение, которое всё же не позволяет отождествлять полностью данные топонимический и археологический ареалы. Так, северо-восточный (Шелонско-Полистовский) гидронимический район, который не входил в ареал культуры длинных курганов псковского типа, тем не менее, характеризуется наличием балтийских версий названий рек. С другой стороны, большинство данных потамонимов могут быть рассмотрены и с позиции их древнеевропейского или славянского происхождения, поэтому рассмотренный аргумент не является решающим.

Литература

1. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Агеева Р. А. Как появились названия рек и озёр: Популярная гидронимика. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 288 с.
3. Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом -ьн- // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 80–143.
4. Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоёма: По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг. Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. 159 с.
5. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 45–72.
6. Манаков А. Г. Неславянская гидронимия Псковской области // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: «Естественные и физико-математические науки». Вып. 4. Псков: ПГПУ, 2008. С. 90–95.
7. Манаков А. Г. Неславянская гидронимия Псковской области как отражение этнической истории региона // VII Псковские Международные краеведческие чтения (Псков, 13–15 октября 2017 г.). Псков: Псковский государственный университет, 2017. Т. 1. С. 156–163.
8. Манаков А. Г. Этногенез славян по данным топонимии (историко-географическое исследование). Псков: АНО «Логос», 2007. 256 с.
9. Манаков А. Г., Ветров С. В. Неславянская топонимия северо-западных районов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2008. № 6. С. 153–163.
10. Манаков А. Г., Кудрявцева Ю. С. // Неславянская гидронимия южных районов Псковской области // Историческая география Восточной Европы: природное и культурное наследие. Материалы Международной научно-практической конференции 24–25 ноября 2016 года. Псков: Псковский государственный университет, 2016. С. 25–33.
11. Манаков А. Г., Серова Н. А. Неславянская гидронимия северных районов Псковской области // Историческая география Восточной Европы: природное и культурное наследие. Материалы Международной научно-практической конференции 24–25 ноября 2016 года. Псков: Псковский государственный университет, 2016. С. 33–41.
12. Мельников С. Е. О чём говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л.: Лениздат, 1984. 199 с.

13. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
14. Мурзаев Э. М. Слово на карте. М.: Армада-Пресс, 2001. 448 с.
15. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
16. Попов А. И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. 206 с.
17. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / Отв. ред. Р. А. Агеева. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2002. 512 с.
18. Реки Псковской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://pskovfish.ru/ozero/reki.htm>
19. Седов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94, 1974. С. 20–33.
20. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. 416 с.
21. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
22. Топоров В. Н. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М., 1962. С. 41–49.
23. Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
25. Bezlai F. Slovenska vodna imena. D. 1–2. Ljubljana, 1956–1961.
26. Buga K. Rinkiniai rastai. T. 3. Vilnius, 1961.
27. Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
28. Krahe H. Die Sprache der Illyrer. Wiesbaden, 1955.
29. Mikkelis Klussis. Словарь возрождённого прусского языка: прусско-русский, русско-прусский [Базовый русско-прусский словарь для дальнейшей рекреации лексики (земландский диалект)], 2006. Institut Européen des Minorités Ethniques Dispersées. 408 с.
30. Vanagas A. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardyną. Vilnius, 1963.
31. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
32. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
33. Vasmer M. Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // Studi baltici. 1933. № 3. S. 27–34.
34. Vasmer M. Beitrage zur historischen Volktrkunde Osteuropas // Preu B. Akad. Wiss. S. Ber. Philos. hist. Kl. B., 1934. S. 351–440.

Об авторах

Манаков Андрей Геннадьевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, факультет естественных наук, медицинского и психологического образования, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Лебедева Ксения Андреевна — студентка бакалавриата «География», факультет естественных наук, медицинского и психологического образования, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: nikolaeva.kseniya@gmail.com

**NON-SLAVIC NAMES OF RIVERS OF PSKOV REGION:
HYPOTHESIS OF THEIR ORIGIN AND LOCATION**

Main geographic characteristics of the rivers locations with non-Slavic origin, mainly Finno-Ugric and Baltic, were identified at the territory of Pskov region. These characteristics stay within geographic zoning, which is described by predominance of Finno-Ugric hydronimics at the north of Pskov region and supremacy of Baltic hydronimics in the south of the region, as well as a transitional zone with a bit predominance of Baltic hydronimics in the middle of the region.

Key words: *toponymics, non-Slavic hydronimics, potamonics, hydronimic areas, cartographic analysis.*

About the authors

Prof. Dr. Sci. **Andrei Manakov**, Department of Geography, Faculty of Natural Sciences, Medical and Psychological Education, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Ksenia Lebedeva, Geography Undergraduate Student, Faculty of Natural Sciences, Medical and Psychological Education, Pskov State University, Russia.

E-mail: nikolaevaaa.kseniya@gmail.com